усложняется организация дел милосердия и благотворительности, а среди прихожан преобладают индивидуальные формы оказания поддержки нуждающимся.

На основе анализа результатов проведенного опроса можно заключить, что православный приход в восприятии жителей Заволжска как одного из многочисленных малых городов России — это, прежде всего, носитель духовности. Его роль как социального субъекта, а значит, и как института гражданского общества, пока недооценивается.

Литература

1. Бурдые П. Социальное пространство: поля и практики / Пер. с франц. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2005. 576 с.
2. Гунько М. Жить или выживать: география малых городов России. URL: <https://nplus1.ru/blog/2021/03/16/russian-small-towns> (дата обращения: 16.03.2021).
3. Забаев И.В., Орешина Д.А., Пруцкова Е.В. Три московских прихода: основные социально-демографические показатели и установки представителей общин крупных приходов. М.: ПСТГУ, 2012. 94 с.
4. Московские прихожане — 2013 — кто они? URL: <https://sreda.org/2013/moskovskie-prihozhane2013-kto-oni-intervyu-alinyi-bagrinoj-portal-u-pravmir/30288> (дата обращения: 10.03.2021).
5. О принципах организации социальной работы в РПЦ. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/1401894.html> (дата обращения: 03.03.2021).
6. Приход и община в современном православии: корневая система российской религиозности / Под ред. А. Агаджаняна, К. Русселе. М.: Весь мир, 2011. 368 с.
7. Современное состояние православного прихода. URL: <https://sreda.org/lodka/sovremennoe-sostoyanie-pravoslavnogo-prihoda> (дата обращения: 10.03.2021).

ЭТНИЧЕСКОЕ И ГРАЖДАНСКОЕ В НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ РОССИЯН (НА ПРИМЕРЕ РУССКО-УКРАИНСКИХ БИЭТНОРОВ)

Бубликов В.В.

Аннотация. В статье рассматривается феномен формирования полиэтничности как одной из разновидностей идентичности в условиях глобализации. На примере биэтнического русско-украинского населения России анализируются причины гибридизации этно-национальной идентичности, ее «раздвоения» на идентичность национальную (гражданскую) и собственно этническую. В условиях сохранения консервативного подхода при фиксации «национальности» в анкетах переписей населения российская статистика «не видит» полиэтничные группы, крупнейшей из которых является русско-украинская группа населения. В связи с этим возникает упрощенное понимание этнокультурных процессов, происходящих в российском обществе, как линейного процесса «естественной ассимиляции», хотя в реальности скорее речь идет именно о формировании биэтнического самосознания и/или инструментальности

этнического самосознания этнических меньшинств, часто не указывающих свою реальную этничность при взаимодействии с государством, в т.ч. и в переписях населения.

Ключевые слова: этничность, полиэтничность, биэтноры, идентичность, русские, украинцы, русско-украинцы.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00676 «Множественная русско-украинская этническая идентичность в России и ее региональные особенности».

ETHNIC AND CIVIL IN THE NATIONAL IDENTITY OF POPULATION IN RUSSIA (ON THE EXAMPLE OF RUSSIAN-UKRAINIAN BIETHNORS)

Bublikov V.

Abstract. The article examines the phenomenon of the formation of multiethnicity as one of the varieties of identity in the context of globalization. On the example of the bi-ethnic Russian-Ukrainian population of Russia, the author analyzes the reasons for the hybridization of ethno-national identity, its “bifurcation” into national (civil) identity and ethnic identity proper. Given the preservation of a conservative approach when recording “nationality” in population census questionnaires, Russian statistics do not “see” multi-ethnic groups, the largest of which is the Russian-Ukrainian group of the population. In this regard, a simplified understanding of the ethnocultural processes taking place in Russian society as a linear process of “natural assimilation” arises, although in reality it is more about the formation of bi-ethnic self-awareness or the instrumentality of ethnic self-awareness of ethnic minorities, who often do not indicate their real ethnicity, when they interacting with the state, e.g. in censuses.

Keywords: ethnicity, multiethnicity, biethnors, identity, Russians, Ukrainians, Russian-Ukrainians.

Вопросы идентичности стали одним из ключевых направлений исследования в социологии. С одной стороны, благодаря процессам глобализации и коммуникационной революции мы наблюдаем процессы «размывания», гибридизации традиционных идентичностей: этнической, национальной, региональной и т.п. — появления «новых» идентичностей, например гендерной, которая ранее вовсе воспринималась не в рамках идентичностной парадигмы, а как социобиологическая константа. С другой стороны, в обществе с как никогда размытым культурным контекстом возникает потребность в ощущении принадлежности, солидарности с какими-либо сообществами.

Особенно интересные трансформации в последние десятилетия происходят с *этнической* и *гражданской* (национальной — в западных языках) идентичностями. В XX веке под воздействием объективных процессов: урбанизации, роста миграции и числа этнически смешанных

браков и пр. — произошел постепенный отказ от социобиологических представлений об этничности (примордиалистская концепция), в пользу более либеральных концепций: конструктивизма, инструментализма¹, функционализма. На этой волне произошел и отказ значительной части научного сообщества от самого понятия «этнос» как некой единой, «монолитной» группы людей, объединенных общим происхождением, культурой, языком и пр., в пользу термина «этничность», понимаемую именно как одну из разновидностей идентичности².

В.А. Тишков выделяет несколько тенденций в глобальном обществе, произошедших за последние десятилетия, которые он называет «линиями усложнения» [7]:

1) Внутренняя мобильность населения, урбанизация и, как результат, перемешивание и размывание границ некогда более определенных ареалов культурно-отличительных сообществ. Урбанизм усложнил этнорасовую структуру населения в пользу возрастающей доли людей смешанного происхождения и отсюда — сложной идентификации.

1) Растущая трансграничная активность, прежде всего, в сфере трудовой миграции.

2) Рост партикулярных (этнических, региональных) форм самосознания (идентичностей) среди аборигенных групп населения, которое, казалось, уже было интегрировано в состав наций.

3) Формирование новых трансграничных, космополитичных форм идентичности среди людей. Появилась гораздо более высокая степень сохранения двойной идентичности и лояльности с нацией исхода и принимающей нацией среди мигрантов [7].

Изменение взглядов в научном сообществе на такие понятия как *этнос*, *национальность* и *этничность*, а также объективные процессы ускорения «перемешивания» в современных социумах повлияли и на этнокультурную политику, вначале в странах переселенческого типа (Австралия, Канада, США), а затем и в «старых» европейских национальных государствах (Великобритания, Польша, Чехия). В частности, при проведении переписей населения в них ныне допускается указание нескольких этнических идентичностей [5, с. 152]. Например, при переписи населения 2016 г. 41 % жителей Канады указал на свою принадлежность одновременно к нескольким этно-группам (англ. — *ethnic origins*) [10], в Австралии — 37 % (англ. — *ancestry*) [8].

¹ Например, исследуя инструменталистскую концепцию этничности, М.Ю. Барбашин пишет: «Этничность — это набор этноинститутов, которые отражают нормативные представления об этноповедении, о том, что является допустимым и/или недопустимым для членов этногрупп» [1, с. 117].

² В данном случае можно провести определенные параллели *гендера* и *этничности*, которые еще несколько десятилетий назад считались чуть ли не «метрической меркой», данной от рождения, а ныне трактуются именно как идентичность, которую возможно и изменить.

В России, где по оценкам В.В. Степанова двойную этническую идентичность имеют 12—15 % населения, т.е. около 20 млн. человек [5, с. 152], концептуальное представление о возможности одновременной принадлежности человека к нескольким этносообществам пока находит немало противников, причем, прежде всего, не среди научного сообщества, а среди более широких общественно-политических кругов (например, поборников «этнического единства» и националистов всех мастей).

Экспертное же сообщество все активнее призывает изменить существующие подходы, в том числе и в сфере сбора статистических сведений об этническом (в терминологии переписей национальном) составе населения. В частности, В.А. Тишков призывает: «следует уточнить процедуру определения и подсчета этнической идентичности граждан РФ, предоставив возможность каждому свободно указывать этническую идентичность, а органы статистики обязать вести подсчет не только единичной, но также и смешанной этнической идентичности» [6, с. 559].

Подчеркнем, что большинство лиц этнически смешанного происхождения в России все же имеет одну этническую идентичность, т.е. «смешанное происхождение» отнюдь не является синонимом «полиэтничности».

Скорее всего крупнейшей по численности группой биэтнического населения в России являются русско-украинские биэтноры, которые благодаря активному участию украинцев в колонизации и заселении обширных территорий России в XVII — XX веках присутствуют ныне, в тех или иных масштабах, в большинстве регионов РФ, как говорится, от Калининграда до Владивостока. Также группа населения с двойной русско-украинской этничностью представляет значительный интерес для исследования в связи с активизацией в ней процессов этнического самоопределения вследствие конфликта в отношениях России и Украины в 2014 г. и последующих годах.

Исходя из динамики национального состава по переписям населения, проведенным в XIX—XX веках, можно предположить, что явление относительно широкого распространения русско-украинской этноидентичности характерно в настоящее время для трех типов регионов РФ или их значительных отдельных частей:

– регионы, в заселении которых украинцы (черкасы, малороссы и др.) принимали активное участие в XVII—XVIII веках (Белгородская, Воронежская, Курская, Ростовская, Саратовская, Оренбургская области, Краснодарский и Ставропольский края) или имевшие старожильческое протоукраинское население с более древних времён (например, Стародубщина в Брянской области);

– регионы активной сельскохозяйственной колонизации Сибири и Дальнего Востока конца XIX — начала XX веков (Амурская, Новосибирская, Омская области, Алтайский, Приморский и Хабаровский края);

– регионы промышленно-сырьевой колонизации Европейского Севера, Сибири и Дальнего Востока второй половины XX века (Магаданская и

Мурманская области, республики Коми и Якутия, Ханты-Мансийский, Ямало-Ненецкий и Чукотский автономные округа, Камчатский край).

Об относительно широком распространении русско-украинской биэтничности в России свидетельствуют и общие данные переписей населения. Так, например, за период 1989—2010 гг. численность украинцев в России сократилась на 56 % (с 4 363 тыс. до 1 928 тыс. человек), в то время как русских — только на 7 % (с 119 866 тыс. до 111 017 тыс. человек) [рассчитано по: 9].

При этом уровень рождаемости у украинцев в России, по данным переписей, все эти десятилетия был даже немного выше, чем у русских [2, с. 876-895]; значительных различий в продолжительности жизни также, по всей видимости, нет. Не наблюдалось все эти годы и существенного миграционного оттока из России в Украину. Напротив, российской статистикой все постсоветские годы фиксировалось положительное миграционное сальдо в обмене населением с Украиной.

Таким образом, основным фактором сокращения численности многих этнических групп в России (прежде всего, украинцев и белорусов) являются ассимиляционные процессы, которые явно ускорились после распада СССР. Но, в данном случае возникают следующие вопросы: *«Насколько ассимиляционные процессы в постсоветской России носили (я)т естественный характер, а насколько вынужденный?»* и *«В какой степени смена одной «официальной» этничности на другую является полноценной, окончательной, свидетельствующей о полном отказе от идентификации с предыдущей «национальностью?»*

Основным механизмом естественной ассимиляции, как правило, считаются смешанные браки, когда новые поколения, появляющиеся в полиэтничных семьях, наследуют идентичность либо супруга-лидера, либо этнической группы преобладающей (количественно и/или культурно, статусно) на территории проживания. Т.е. естественная ассимиляция, прежде всего, требует значительного времени, необходимого для естественной смены поколений.

Кроме того, выбор одной «лидерской» этничности детьми в «смешанных» семьях не означает полную утрату/отказ от второй идентичности, она также может сохраняться, хотя и находиться в несколько «подчиненном» положении.

Однако в районах компактного проживания украинцев на территории РФ за последние три десятилетия мы наблюдаем не постепенное, а «обвальное» сокращение численности жителей, называющих себя украинцами. Например, в Ровеньском районе Белгородской области, граничащем с Луганской областью Украины (т.е. являющемся естественным продолжением украинского этнического ареала) динамика доли украинского населения была следующей: 1926 г. — 95 %, 1939 г. — 86 %, 1979 г. — 78 %, 1989 г. — 73 %, 2002 г. — 21 %, 2010 г. — 7 %. Т.е. около половины всех жителей этого района за небольшой 13-ти летний период (1989-2002 гг.)

изменило «официальную» национальную идентичность с украинской на русскую.

Схожая динамика наблюдалась и в соседних районах Воронежской области (Ольховатском, Россошанском, Подгоренском, Кантемировском), а также в Оренбургской области (Акбулакский район), Омской области (Одесский, Павлоградский, Полтавский, Русско-Полянский районы), Саратовской области (Самойловский район), Алтайском крае (Бурлинский, Родинский районы), Приморском крае (Дальнереченский, Лесозаводской районы) и др.

Как пишет С.Г. Сафронов: «не только в пределах Слободской Украины, на современном российско-украинском пограничье, но и в других регионах украинцы и белорусы имеют сложную, подчас двойную этническую идентичность. Об этом свидетельствует быстрое сокращение доли украинцев и белорусов в постсоветский период, который невозможно объяснить лишь этнодемографическими процессами, включая миграцию» [4, с. 141].

Т.е. основным фактором «ассимиляции» украинцев в России стал феномен распространения множественной этнической идентичности. Произошло некоторое «раздвоение» этно-национальной идентичности на «официальную» русскую, воспринимаемую большинством как принадлежность к российскому государству и как определенную декларацию политической лояльности (т.е. идентичность собственно *национальную* — в западном смысле этого термина), и украинскую, которая продолжает воспроизводиться в семейно-родственной среде (т.е. идентичность собственно *этническую*).

Необходимо также подчеркнуть, что сами рядовые жители, как правило, не оперируют понятиями *гражданская, национальная и этническая* идентичности, т.е. в их самосознании могут вполне органично сосуществовать две (а иногда и более) идентичности, и каждую из них они в разных обстоятельствах могут называть своей *национальностью*.

Литература

1. Барбашин М.Ю. Институциональная теория этничности // Этнографическое обозрение. 2016. № 3. С. 112-127.
2. Итоги Всероссийской переписи населения 2010 года. Т. 10. Рождаемость. М., 2012.
3. Росстат
http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography/#
(дата обращения 12.03.2021).
4. Сафронов С.Г. Современные тенденции трансформации этнического состава населения России // Балтийский регион. 2015. № 3 (25). С. 138-153.
5. Степанов В.В. Измерение культурного многообразия России // Измерение культурного многообразия. Языковая ситуация, переписи, полевая этностатистика / Ред. М.Ю. Мартынова, В.В. Степанов. М., 2019. С. 140-154.
6. Тишков В.А. Вместо заключения. Россия в XXI веке // Этническое и религиозное многообразие России / Под ред. В.А. Тишкова, В.В. Степанова. М., 2018. С. 546-560.
7. Тишков В.А. Что есть нация. В поисках российской идентичности // Независимая газета. 24.01.2017. https://www.ng.ru/stsenarii/2017-01-24/9_6910_nacia.html (дата обращения 12.03.2021).

8. Australian Bureau of Statistic: <http://www.abs.gov.au/websitedbs/D3310114.nsf/Home/2016%20TableBuilder> (date of access 12.03.2021).
9. Demoscope Weekly: <http://www.demoscope.ru/weekly/pril.php> (date of access 12.03.2021).
10. Statistics Canada. Ethnic and cultural origins of Canadians: Portrait of a rich heritage: <https://www12.statcan.gc.ca/census-recensement/2016/as-sa/98-200-x/2016016/98-200-x2016016-eng.cfm> (date of access 12.03.2021).
11. Тишков В.А. Что есть нация. В поисках российской идентичности // Независимая газета. 24.01.2017. https://www.ng.ru/stsenarii/2017-01-24/9_6910_nacia.html

МЕТОДИКА ОПРЕДЕЛЕНИЯ ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТАЦИЙ СОЦИАЛЬНОЙ ГРУППЫ ПРАВОСЛАВНЫХ ВЕРУЮЩИХ (НА ПРИМЕРЕ СЕСТРИЧЕСТВ Г. МОСКВЫ)

Готовкина М.С.

Аннотация. В статье рассматривается методика анализа индекса ценностных ориентаций социальной группы сестер милосердия. Как известно, ценностные ориентации определяют мотивацию индивида и социальной группы в целом. На основе полученных данных были сформированы основные кластеры ценностных ориентаций сестер милосердия г. Москвы. Определяющим из них является кластер духовно-религиозных мотивов. На втором месте оказался кластер ценностей интернального порядка. Средним рейтингом обладают у сестер милосердия тринадцать ценностей, такие как творчество, семья, патриотизм и др. Так же было определено, что кластер ценностных ориентаций гедонистического плана имеет самый низкий рейтинг.

Ключевые слова: ценностные ориентации, рейтинг ценностей, сестричества милосердия, мотивация, ранг ценности, иерархия мотивов.

METHODOLOGY FOR DETERMINING VALUE ORIENTATIONS SOCIAL GROUP OF ORTHODOX BELIEVERS (ON THE EXAMPLE OF THE SISTERS OF MOSCOW)

Gotovkina M.S.

Abstract. The article discusses the methodology for analyzing the index of value orientations of the social group of sisters of mercy. As you know, value orientations determine the motivation of the individual and the social group as a whole. Based on the data obtained, the main clusters of value orientations of the sisters of mercy were formed. The determining one is the cluster of spiritual and religious motives. In second place was the cluster of internal values. The sisters of mercy have an average rating of thirteen values. Such as creativity, family,